

Ю.Л. Цельникер

НЕПРОЙДЕННЫЕ ПУТИ Д.А. САБИНИНА (ВОСПОМИНАНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ)

ЖИЗНЬ крупнейшего ученого, выдающегося физиолога растений Дмитрия Анатольевича Сабинина трагически оборвалась 22 апреля 1951 г. Он покончил с собой... Сам этот факт, причины, приведшие к жизни радости, полного творческих сил и здоровья человека к самоубийству, долгое время замалчивались. В книге воспоминаний о Сабинине, вышедшей в 1979 г. [1], о последнем этапе его жизни сказано очень глухо. И это издание не было пущено в продажу, его экземпляры сохранились лишь в нескольких центральных библиотеках. В более позднем, сокращенном издании книги (1981 г.) цензура уничтожила не только намеки на самоубийство, но и многие места, где говорилось о Сабинине как о Человеке.

Долгое время о положении, создавшемся в биологии в 30—40-х годах, особенно о печально знаменитой августовской сессии ВАСХНИЛ, нельзя было писать: молчаливо принималось, что этой сессии как бы вовсе и не было, и многие молодые биологи (не говоря уже о неспециалистах) о ней почти ничего не знали.

Сейчас, когда об этом пишут в научно-популярных журналах и даже в романах, в печати мелькает и имя Сабина как одного из пострадавших в результате монополии Лысенко. Теперь и об истории последних двух десятилетий жизни Сабина можно рассказать более подробно.

С 1932 г. Сабинин, заведующий кафедрой физиологии растений биологического факультета МГУ, был хорошо образованным, высокоэрудированным человеком с живым интересом ко всему окружающему. Он любил искусство, особенно музыку, хорошо знал классическую литературу. Сабинин, подобно другим крупным ученым своего поколения — Д.Н. Прянишникову, Н.И. Вавилову — относился к естествоиспытателям широкого профиля. Он великолепно знал виды диких растений, разбирался в физике, химии и астрономии. Его лекции были одними из наиболее ярких из читавшихся в то время на биологическом факультете. Д.А. систематически следил за специальной литературой, чутко реагировал на все новое и мгновенно оценивал значение той или иной работы для будущего развития науки. Обо всех новых достижениях он тут же, по горячим следам, сообщал в лекциях. Поэтому на лекции приходили не только студенты, но и научные работники разных учреждений. Однако большая насыщенность материалом и необычная манера изложения (на лекциях приходилось не просто записывать излагаемый материал, а все время следить за ходом мысли лектора и соображать самому) делали его лекции трудными для студентов.

Для исследовательской работы Д.А. характерным было редкое сочетание «широты» и «глубины», что давало ему возможность делать общебиологические выводы принципиального характера. Его взгляды намного опережали уровень современной науки.

Сабинин всегда выступал очень ярко и остроумно. Его доклады, а также выступления в прениях, вызывали большой интерес и неизменное оживление в зале. Когда Д.А. анализировал доклады своих коллег или давал отзывы о работах различных лиц или учреждений, он прежде всего искал в этих трудах выяснения биологического механизма изучаемого явления и сурово критиковал исследование, если оно носило чисто эмпирический характер,

сводилось к констатации мелких фактов, без попытки анализа самого явления. Вместе с тем Д.А. всегда радовался достижениям других и буквально влюблялся в их творца.

Сабинин не терпел догматизма и начетничества и часто говорил, что ссылка на авторитеты ничего не доказывает, как бы высоко этот авторитет ни стоял. Доказательством истины может быть только вдумчивый анализ фактов.

Он был очень прост и естественен в обращении, внимателен к людям, остроумен и ценил остроумие в других. Его всегда возмущала трафаретность в мышлении и поведении людей. Эти черты он обычно высмеивал, хотя в те времена некоторые его «шалости» оказывались для него далеко не безопасными. Так, когда ему пришлось где-то в середине 30-х гг. заполнить анкету о социальном происхождении, Д.А. написал, что он из дворян, хотя на самом деле это было не так. Это он сделал как бы в знак протеста, потому что большинство его коллег писали, что они из рабочих или беднейших крестьян, что часто не соответствовало истине.

К началу 30-х гг. Сабинин приобрел широкую известность среди биологов как крупный специалист в области минерального питания растений. Наряду с глубокой разработкой теоретических вопросов, таких, как механизм поступления питательных веществ в корни, Д.А. интересовали и практические вопросы, связанные с применением удобрений. Он живо интересовался сельскохозяйственной практикой и хорошо знал ее. Вообще говоря, в то время физиология растений стояла гораздо ближе к сельскохозяйственной практике, чем сейчас.

Одной из животрепещущих проблем было увеличение производства зерна. В те годы, в связи с коренной перестройкой сельского хозяйства и созданием колхозов, посевные площади и урожайность на первых порах резко сократились. Многие области, раньше служившие житницей, не только не давали товарного зерна, но и попросту голодали. Причины этого носили, в первую очередь, социально-экономический характер, однако правительство искало выхода из создавшегося положения в мерах агрономических, поэтому любые предложения ученых, сулившие быстрое увеличение урожайности, приветствовались и поддерживались.

На этом фоне среди биологов и возшла «звезда» Т.Д. Лысенко. Лысенко окончил Киевский сельскохозяйственный институт и в 1925 г. начал работать на опытной станции в Гандже, где изучал влияние сроков посева различных культур на длительность вегетационного периода. В этом климате посев сельскохозяйственных растений возможен в течение всего года, поэтому для разных культур нужно было установить рациональные сроки высева. Неожиданно оказалось, что у растений, высеянных в разные сроки, очередность созревания между сортами и культурами нарушается: один и тот же сорт может проявлять себя как раннеспелый, то как позднеспелый. Объяснить это явление удалось с помощью особой математической обработки данных, которую Лысенко произвел по совету известного в то время ученого-агронома и специалиста по сельскохозяйственной статистике Н.Ф. Дервицкого. Опубликованная в 1928 г. статья Лысенко «Влияние термического фактора на продолжительность фаз развития растений» была высоко оценена Сабининым. В том же 1928 г. отец Лысенко — Д.Н. Лысенко наблюдал ускоренное развитие озимой пшеницы, высеянной весной, после воздействия на наклюнувшиеся семена низких температур. Именно это явление, которое Лысенко ранее наблюдал в своих опытах в Гандже, он назвал яровизацией. В дальнейшем Лысенко стал пропагандировать предпосевную яровизацию семян как средство для повышения урожайности. В течение ближайших 2—3-х лет яровизация семян проводилась уже во многих колхозах разных областей СССР. С этого момента началось «триумфальное шествие» Лысенко как «народного академика» (он стал членом АН УССР в 1934 г. в возрасте 36 лет). Одновременно шел процесс его перерождения и деградации как ученого.

Вскоре Лысенко начал печатать в научных журналах статьи, ряд положений которых назвал вначале «рабочей гипотезой», а затем и «теорией стадийного развития растений». Сущность ее заключалась в следующем: для того чтобы дать семена, высшие растения должны в течение своей жизни пройти несколько стадий. Во время каждой из них на точку роста стебля должны воздействовать определенные, специфические условия, в результате чего в точке роста происходят необратимые качественные

изменения, подготавливающие переход к следующей стадии. Только после прохождения всех стадий растение становится способным к плодоношению. Во время прохождения двух последовательных стадий — стадии яровизации (температурной) и световой стадии — растениям, согласно Лысенко, требуются определенные соотношения продолжительности дня и ночи.

Сабинин в эти годы с большим интересом относился к работам Лысенко. В его рукописном наследии сохранились конспекты докладов Лысенко, сделанных им в 1933—1934 гг. [2]. В 1934 г. Д.А. специально ездил в Одессу, в возглавлявшийся Лысенко Институт генетики и селекции. Однако, внимательно изучив выступления и опубликованные статьи Лысенко, а также ознакомившись с его опытами на месте, Сабинин пришел к заключению, что «теория стадийности» не нова, а является лишь частным случаем ранее существовавшей теории детерминации.

Сохранилась и рукопись Д.А. с заголовком «Существует ли стадийная теория развития растений?», написанная им, по всей вероятности, в 1936—1937 гг. [2]. В ней на 24-х страницах машинописного текста Д.А. аргументированно критикует все основные положения Лысенко и делает заключение, что «теория стадийности» может считаться лишь рабочей гипотезой, во-первых, потому, что Лысенко не дал четкого определения понятий «рост», «развитие», «стадия» и др., которыми между тем он оперирует в своих построениях; во-вторых, потому что отдельные положения «теории» не проверены экспериментально; и наконец, «теория» эта не объясняет описанных в литературе фактов.

С течением времени поведение Лысенко становилось все более агрессивным. Заручившись поддержкой Сталина и умело используя особенности его характера, в частности, подозрительность, Лысенко все дальше отходил от серьезного, вдумчивого отношения к научным исследованиям, заменяя их беспочвенной демагогией, широковещательными обещаниями и публичным охаиванием людей, возражавших ему. Возможно, что такое «превращение» произошло не без влияния И.И. Презента, который с середины 30-х годов был близким «другом» и единомышленником Лысенко.

Вскоре, наряду с «открытиями» в области физиологии

растений, Лысенко выдвинул «новую» генетическую концепцию, утверждая, во-первых, что передача наследственных свойств потомству может происходить не только при половом скрещивании, но и при прививках растений, которые Лысенко назвал «вегетативной гибридизацией». Во-вторых, он признавал наследование приобретенных признаков, тем самым солидаризируясь со взглядами Ламарка. Лысенко считал, что наследственные свойства передаются потомству всей клеткой в целом. На ученых, исповедующих классическую генетику, Лысенко обрушивался с яростной бранью, навешивая на них ярлыки буржуазных прихвостней, идеалистов, антимарксистов и врагов развития социалистического сельского хозяйства.

Начиная с середины 30-х годов дискуссии по вопросам генетики проходили в студенческих и научных аудиториях, рабочих клубах, редакциях журналов и т.п. Многие участники этих дискуссий, недостаточно знакомые с существом дела, становились на сторону Лысенко, полагая, что он, как передовой ученый из народа, воюет с буржуазными ретроgrадами. Такому отношению способствовало недоверие «простых» людей и студенческой молодежи к старой интеллигенции, что всячески подогревалось «сверху». Лысенко же завоевывал симпатии широкой аудитории неспециалистов, в том числе и в правительственных кругах, тем, что выступая на совещаниях, разыгрывал малообразованного «мужичка от сохи». Политические обвинения, которые выдвигал Лысенко, не прошли для его противников бесследно, и в конце 30-х годов многие крупные генетики были арестованы как «враги народа». Последним из этой славной плеяды ученых был в 1940 г. арестован Н.И. Вавилов.

Обстановка дискуссий того времени хорошо передана в воспоминаниях Л.И. Красовского [3], в то время студента 3-го курса на кафедре, которую возглавлял Сабинин. Привожу текст этих воспоминаний практически полностью:

«Еще в середине курса лекций, приблизительно в декабре 1936 — январе 1937 г., Д.А. получал от студентов записки с вопросами о ходе дискуссии по генетике. Эта дискуссия тогда проходила в клубе им. Кухмистерова (ныне театр им. Гоголя), где Лысенко делал свои первые (или одни из первых) наскоки на научную генетику, на "горохо-

вые законы" Менделя. Сабинин объективно пересказывал суть крайних критических выпадов Лысенко. Всегда задавали вопрос об отношении самого Д.А. к спору генетиков, и Д.А. открыто высказывался против необоснованной и ненужной критики научной генетики со стороны Лысенко и Презента. Это мнение Дм. Анат. было особенно ценно потому, что он сам не преподавал генетику и не имел ни профессиональной, ни тем более сколько-нибудь корыстной заинтересованности отстаивать научную генетику. Для многих студентов того времени это имело решающее значение в выборе верной ориентации в науке, ибо спорили академики, отрицались основы науки, а защита со стороны генетиков представлялась их противниками и воспринималась студентами как логическое следствие косности, как нежелание перестроиться и переделаться у людей, которые много лет преподавали генетику, писали учебники и прожили с ней целую жизнь. Большинство и попало на этот соблазн. Удержавшиеся же от соблазна во многом обязаны твердой позиции Д.А. в этом ученом споре.

Очень яркое выступление против ошибок академика Лысенко было у Д.А. Сабинина в прениях на научной студенческой конференции в конце зимы или в начале весны 1937 года. Эта конференция была устроена по инициативе студентов при активнейшей поддержке тогдашнего сотрудника деканата С.Д. Юдинцева. Конференция была посвящена работам акад. Т.Д. Лысенко. Подготовлено было пять докладов — три по развитию и два по генетике. Тогда уже всем было хорошо известно, что вопреки "здравому смыслу" проф. Сабинин является противником акад. Лысенко, не скрывает этого и вызывает сильное недовольство начальства.

Конференция открылась в Большой биологической аудитории. Большая часть скамеек была занята слушателями. За кафедрой сидел президиум. Сабинина не было. Но в начале моего доклада (я был первым) вошел Д.А. И вызвал сенсацию. Обычно одетый очень скромно и еще более скромно державшийся, в этот раз он был одет в красивый светлый костюм и выглядел, как мне помнится, подчеркнуто эффектно. Уже самим костюмом Д.А. противопоставлял себя всей серой массе тогдашних "пролетарских кадров". Почему-то он сел не на студенческой ска-

мейке, где сидели другие профессора, но занял место в президиуме, словно хотел, чтобы все видели его символический протест. Все это, вероятно, Сабинин делал намеренно, заранее зная весь ход последующих событий...

На конференции 1937 года он священнодействовал. Весь зал напрягся в ожидании его убийственной для Лысенко и для него самого речи. Долго тянулись пять (если не шесть) докладов. Задавали вопросы. Вяло и трусливо высказывалось начальство. И вот объявляют: "Слово предоставляется профессору Сабинину"... Он коснулся всех докладов и из каждого извлек что-то против Лысенко. Особенно он хвалил Кремянского за его пример с элодей, которая "только растет, но не развивается", ибо не дает семян, а развитие, по Лысенко, есть смена форм "от семени до семени". Коснувшись каждого доклада, Д.А. со всей силой своей эрудиции и мощью ораторского таланта, который в нем словно оживал всякий раз, когда он говорил о Лысенко, обрушился на мой доклад, посвященный теории стадийного развития. С большим тщанием подготовленный, мой доклад подробно, точно и доходчиво излагал стадийное учение Лысенко и выгодно показывал его значение для сельского хозяйства. Многие слушатели конференции впервые из моего доклада узнали о стадийной теории и искренне оценили ее так же высоко, как оценивал ее тогда я, студент 3-го курса.

Сабинин подтвердил правильность моего изложения, но категорически возражал против моей высокой оценки стадийной теории. К сожалению, не было стенограмм той блестящей речи Д.А., поэтому трудно воспроизвести его аргументацию. Но уже тогда он говорил о неотделимости роста от развития, о неприложимости лысенковского понятия развития к растениям, размножающимся без спор и семян, о "загадочных" (!!) причинах прибавки урожая после яровизации, о необязательности яровизации для некоторых сортов даже озимых культур, о том также, что в открытии яровизации у Лысенко были предшественники и для науки в ней не было ничего нового. Закончил свою речь Д.А. заранее подготовленным ударом и цитатой из любимого его гениального Гёте. Сабинин сказал, что никакой теории у Лысенко нет, есть лишь шаткая гипотеза, которая только пытается выяснить ин-

тереснейший и важнейший для биологии вопрос физиологии развития растений. Гёте сказал, что гипотеза — это леса, которые нужны, чтобы построить здание. Когда здание готово, леса убирают. Нельзя, как это делает Лысенко, леса принимать за само здание.

Овация была дружная, бурная, продолжительная. Сабинин торжествовал... Но не долго длилось его торжество. Дм. Анат. часто любил говорить, что смысл словам придает слушающий, а не говорящий. А слушатели были тогда особенные в своем роде. Существовали "буксиры". В университете в 1936 году устроили диктант студентам и свыше 90% получили "неуды". В результате для студентов МГУ открыли обязательные курсы ликбеза. Это был 1937 год, и головы были туго набиты бредом о бдительности. Легко себе представить, что влиятельное большинство восприняло речь Сабинина, как недопустимую дерзость "чужака"... Только сейчас тогдашняя речь Сабинина начинает звучать как смелый голос истины.

Нет сомнения, что Сабинин, казавшийся инородным телом в Университете, держался там непрочно... Выступление Д.А. на конференции было последней каплей, которая переполнила чашу терпения, и очень скоро общественные организации приняли решение об увольнении Сабинина из МГУ» [3, с. 116-118].

Формулировка увольнения звучала так: «За плохое руководство работой кафедры и за нетактичное выступление перед студенческой аудиторией по вопросам работы Лысенко» (цитирую характеристику, выданную Д.А. Сабинину деканом биофака С.Д. Юдинцевым и парторгом Н.К. Тильгором уже после восстановления его в Университете, 1 ноября 1938 г.) [2].

Д.А. не работал в Университете в течение года. Говорят, что при встречах со знакомыми он иногда шутливо говорил: «Смотрите на меня внимательнее, может быть, скоро не увидите: ведь я с работы снят, но еще не арестован». После восстановления на работе в 1938 г. Сабинин с группой сотрудников и аспирантов поехал в Одессу для знакомства с последними работами Лысенко.

Военные и первые послевоенные годы были для Д.А. годами творческого расцвета. Особый интерес в эти годы он проявлял к проблемам роста и развития растений. Сабинин считал, что расшифровка закономернос-

тей роста возможна только на основе изучения протоплазмы и процессов, происходящих в ней при росте.

Свои общебиологические взгляды на природу связи, существующей между клеткой и всем организмом растения, он сформулировал в докладе, прочитанном в 1946 г. в МГУ на возглавлявшейся им кафедре. Система этих взглядов была им образно названа «структурой жизни». Тезисы разработанной Сабининым концепции приводятся его учеником П.А. Генкелем в посвященной Сабинину монографии [4, с. 108—109]. В конце 40-х — середине 60-х гг. ученики Д.А. (А.К. Белоусова, М.Г. Зайцева, Н.В. Обручева) получили первые экспериментальные доказательства реального существования закономерностей, сформулированных Д.А.

Большой интерес Сабинин проявлял к изучению гормональной регуляции процессов роста. В частности, он считал вероятным, что стимуляторами роста могут быть производные нуклеиновых кислот, а местом их синтеза — корень. Тем самым, Сабинин предвосхитил открытие цитокининов и указал на место их синтеза. Он также впервые сформулировал положение о роли корня как органа синтеза жизненно важных соединений.

Интерес Д.А. к изучению гормональной регуляции роста стимулировался тем, что во второй половине 40-х годов в СССР начало налаживаться промышленное производство синтетических ростовых веществ, в результате чего появилась реальная возможность широкого использования их в сельском хозяйстве. В этот период Сабинин приходит к мнению о необходимости широкой программы исследований действия ростовых веществ. Осуществить ее планировалось совместными силами кафедры физиологии растений биофака и кафедры органического синтеза химфака МГУ, возглавлявшейся А.Н. Несмеяновым. Исследования предполагалось выполнить по трем основным направлениям: 1) отыскание новых ростовых веществ среди соединений, образуемых организмами; 2) изучение физиологического действия уже вошедших в практику синтетических ростовых веществ; 3) расширение области применения синтетических ростовых веществ путем проведения опытов на новых объектах. После сессии ВАСХНИЛ 1948 г. работы эти были прекращены.

В первые послевоенные годы нападки Лысенко на инакомыслящих ученых усилились. Одной из новых его жертв стал крупный генетик, профессор Тимирязевской сельскохозяйственной академии А.Р. Жебрак. В ответ на травлю ученого в газетах Сабинин послал письмо в защиту Жебрака секретарю ЦК, члену Политбюро А.А. Жданову [5].

В 1946—1947 гг. Лысенко также выступил с новыми «откровениями» о скачкообразном превращении одних видов в другие и об отсутствии в природе внутривидовой борьбы. Сабинин был возмущен этим очередным невежественным выступлением Лысенко в широкой печати. Он вместе с академиком И.И. Шмальгаузенем, профессором А.Н. Формозовым и деканом биофака С.Д. Юдинцевым опубликовал в «Литературной газете» (от 29 ноября 1947 г.) «Наши возражения академику Лысенко» [6]. В статье говорилось о том, что в открытиях Лысенко нет ничего принципиально нового, а приводимые им цифры доказывают, вопреки его воле, как раз наличие внутривидовой борьбы в посевах... Ученые утверждали, что мнение Лысенко об отсутствии внутривидовой борьбы противоречит основным положениям дарвинизма и увлекает научную мысль на неверный путь, тем самым лишая практику богатейших возможностей. В том же номере «Литературной газеты» оппонентам Лысенко ответили его ученики и союзники — А. Авакян, Д. Долгушин, Н. Беленький, И. Глушенко, Ф. Дворянкин. В недопустимо грубом тоне они заявили, что оппоненты Лысенко вздумали-де учить его агротехнике, тогда как им самим еще нужно учиться.

Продолжением этой дискуссии стало заседание, устроенное в Большой Коммунистической аудитории МГУ (Моховая, 11), на котором с докладами о внутривидовой борьбе выступили все те же И.И. Шмальгаузен, Д.А. Сабинин и А.Н. Формозов. Помню, что аудитория была переполнена. Сторонники Лысенко и он сам получили приглашения на совещание, но они либо не явились, либо не выступали. Во всяком случае, крупных лысенковцев, которых все знали в лицо, там не было. Д.А. на взятых из работ лысенковцев примерах убедительно показал, что неправильные выводы, которые Лысенко и его сторонники сделали из результатов опытов, являются следстви-

ем неправильной обработки данных. На самом же деле, эти данные только подтверждают существование внутривидовой борьбы. Дискуссии по докладам, насколько мне помнится, не было. Сделанные на заседании доклады затем вышли в свет отдельной брошюрой [7].

Нападки в печати на ученых, чем-либо не угодивших Лысенко, все усиливались. Это совпало и с государственной политикой утверждения престижа и поиска «приоритетов» русской науки. Так, в научных работах не разрешалось в списке литературы приводить большое число иностранных источников. На стороне Лысенко, наряду с биологами и агрономами, выступили философы (они присоединились к Лысенко в середине 30-х годов, но в середине — конце 40-х годов стали особенно активны), обвинявшие своих противников в низкопоклонстве перед Западом, ревизии марксизма, идеализме и т.п. Каждый день газеты приносили известия о все новых жертвах разнузданной клеветы. Обвинения были бездоказательны, а тон напоминал грубую перебранку. Научные споры переводились в плоскость политическую.

Между тем в правительственных кругах появились сомнения в компетентности Лысенко как ученого и в правильности его практических рекомендаций. Собрать материалы и выяснить мнения ведущих ученых о деятельности Лысенко поручили сыну А.А. Жданова — Ю.А. Жданову, который в то время руководил отделом науки ЦК. На беседу с ним был приглашен и Д.А., который откровенно высказал свое мнение о работах Лысенко. Об этом стало известно Лысенко, решившему нанести ответный удар. 31 июля 1948 г. открылась сессия ВАСХНИЛ, на которой с предварительного одобрения Сталина Лысенко разгромил сторонников классической генетики, противопоставив советской «мичуринской науке» «морганизм-вейсманнизм» (этот термин на долгие годы стал ругательной кличкой генетиков). Некоторые известные ученые, сначала возражавшие Лысенко, узнав, что он получил поддержку Сталина и что его точка зрения становится в сущности официальной «линией» партии, отказались от своих первоначальных высказываний. Лишь немногие, такие, как И.А. Раппопорт, твердо отстаивали свои научные убеждения. Сабинин на сессию приглашен не был.

12 августа 1948 г. состоялось общее собрание коллекти-

ва биофака в Большой Зоологической аудитории на ул. Герцена. Совещание открыл тогдашний ректор МГУ А.Н. Несмеянов. Насколько помню, сказал он примерно следующее: «Вы знаете, что академика Лысенко поддерживают партия и правительство. Коллектив биофака в прошлом совершил ряд ошибок, за которые декан С.Д. Юдинцев отстранен от занимаемой должности. Представляю вам нового декана И.И. Презента. Вы должны тщательно продумать свое дальнейшее поведение и, если вы сделаете правильные выводы из всего случившегося, то я постараюсь сохранить коллектив биофака в целости. Я не требую, чтобы вы высказывались сейчас, всем надо подумать и определить свою линию поведения, а через неделю мы соберемся снова».

Вслед за ректором выступил Юдинцев, который монотонным голосом зачитал по бумажке покаянную речь и признал свое насильственное удаление с биологического факультета МГУ справедливым. Несмеянов хотел, как помнится, на этом закрыть заседание, но неожиданно поднял руку, прося слова, Сабинин. Еще сбегая по лестнице к трибуне, он начал говорить о том, что «все так называемое учение Лысенко — это сплошная чепуха». Его прервал Несмеянов: «Дмитрий Анатольевич, остановитесь, не горячитесь, подумайте, чем Вам все это грозит». Но Д.А. продолжал: «Я сорок лет преподаю физиологию растений и много лет думал над этими вопросами. Мне нечего передумывать. Я знаю, чем мне это грозит, но я не считал бы себя порядочным человеком и настоящим ученым, если не сказал бы честно все, что я думаю». Несмеянов поспешно закрыл собрание, не дав Сабинину договорить.

Сотрудники Д.А. уныло собрались на кафедре. Когда туда пришел Д.А., я подошла к нему и сказала: «Зачем Вы это сделали? Если Вам не жалко себя, то пожалели бы кафедру, которую Вы организовали с таким трудом. Ведь нас теперь разгонят». На это Д.А. ответил: «Дети мои, поймите, я не мог поступить иначе, да и все равно мои взгляды известны и я их не изменю. Ведь этот подлец у меня чай пил!» (очевидно, Д.А. имел в виду Презента).

В этот момент в комнату вошли две навзрыд плачущие студентки с другой кафедры и сквозь рыдания произнесли: «Разрешите пожать Вашу руку, ведь Вы — единствен-

ный настоящий человек среди всех этих трусов!» Раздался звонок телефона — Д. А. приглашал к себе Несмеянов. Вернувшись, Д.А. передал свой разговор с ректором. Несмеянов глубоко сожалел о случившемся и сказал Д.А., что теперь, после публичного выступления, он не сможет отстаивать Д.А. и будет принужден его уволить.

Через неделю состоялось новое собрание коллектива биофака, на котором профессора и сотрудники «калялись» в своих ошибках, указывали пальцами на тех, кто их «подбил» на неверные действия, а те, в свою очередь, пытались оправдаться, указывали на следующих, в общем, шла цепная реакция взаимного охаивания и сведения личных счетов. Дмитрия Анатольевича на этом собрании не было, так как, опасаясь его языка, сотрудники позаботились, чтобы он в этот день уехал в другое учреждение.

Вскоре (28 августа 1948 года) приказом по Министерству просвещения Д.А. был вновь снят с работы «как проводивший активную борьбу против мичуринцев и мичуринского учения и не обеспечивший воспитания советской молодежи в духе передовой мичуринской биологии». Вместе с ним были уволены многие профессора и сотрудники МГУ, в том числе и «покаявшиеся». На место уволенных зачислили сторонников Лысенко. Массовые увольнения прошли и в других научных и учебных заведениях биологического профиля. Не обошлось и без курьезов: например, Ф.М. Куперман, которая работала в Омске в Институте зерна, была уволена как антимишуринка, но зачислена Презентом на кафедру дарвинизма МГУ в качестве сторонницы Лысенко.

В сентябре 1948 года я ненадолго уехала в отпуск в Киев и там получила письмо от Д.А., выдержки из которого здесь и привожу: «Очень хорошо, что Вы находитесь вдали от кафедры, Университета и Москвы. Волей-неволей Вы были бы так или иначе вовлечены в ту атмосферу слухов, тревог и волнений, которой охвачены круги биологов. Все интересы, все разговоры сосредоточены вокруг одной проблемы, одних и тех же сведений и новостей. Разговоры и размышления бесплодны, надо или отдыхать, как делаете Вы, или работать, совершенно изолируясь от общей настроенности. Второе не так-то просто. В связи с этим послушайте моего совета — живите в Киеве подольше, съездите не только в Китаево, но

и в Херсон, и в Одессу. Сейчас слишком все неопределенно, чтобы устраиваться где бы то ни было. Приедете 1 октября, будет, вероятно, яснее, да и сил наберетесь побольше. А это не помешает: обстановка для работы на ближайший год будет, очевидно, отнюдь не идиллической. Оружием в борьбе за существование несомненно окажется и знание работ Одесского Института, где долгое время директором был Т.Д. Лысенко. Да и Вам просто любопытно познакомиться на месте с деятельностью крупного коллектива мичуринцев. Но держите себя там умно.

Мое собственное положение неопределенное: я занимаюсь операцией, именуемой в химии "синтез по остаткам". Вспоминаю что, где и с кого можно взять из книг, из денег и предпринимаю вылазки. Бываю в журнальном зале МГУ, где уже опять все разложено по полкам и много есть интересного. Пожалуй, особенно везет проблеме веществ, задерживающих рост. Недурно было бы доклад, сделанный мной весной, пополнить и расширить, охватив проблему возможно широко. Правда, общая ситуация на биологическом фронте, смутная и сумбурная, несколько мешает сосредоточиться на чем-либо одном и заставляет интересоваться всяким вздором» [2].

В первое время после увольнения Д.А. надеялся, что нормальное положение в биологии восстановится в течение сравнительно непродолжительного времени, максимум через год. Нужно было выждать.

Д.А. испытывал не только моральные, но и материальные тяготы — у него было четверо детей. Старшая дочь уже имела свою семью, но будучи аспиранткой, нуждалась в материальной помощи Д.А. На одну зарплату жены вся большая семья Д.А. существовать не могла. Была надежда получить гонорар за книгу по физиологии растений, которую Д.А. написал в 1946—1947 гг. Книга была задумана как учебник, и в ней Д.А. подытожил материалы курса лекций, которые он долгие годы читал студентам. Однако, по характеру изложения, глубине, новизне книга была трудна для студентов и скорее приближалась к сводке современного состояния физиологии растений и даже во многом это современное состояние опережала. Издательство «Советская наука» приняло книгу к печати в качестве монографии, и Д.А. начал работать с редактором. Книга еще не была готова, а машинописную копию жадно

читали сотрудники кафедры, по ней готовились к экзамену студенты. Однако после увольнения Д.А. из университета издательство отказалось печатать книгу. Лишь после смерти Д.А., благодаря активным хлопотам многолетней сотрудницы Д.А. доцента кафедры О.М. Трубецковой и ходатайству ряда других лиц, книгу удалось напечатать в 1955 году [8], но без главы по физиологии развития растений, содержавшей критику Лысенко. Переиздание книги осуществилось в 1963 г. [9].

По прошествии 3-х—4-х месяцев Д.А. попытался устроиться на работу. Но все попытки были тщетными: он был как будто объявлен «вне закона». Не принимали на работу и его учеников. Только через шесть месяцев его решился взять к себе на работу Герой Советского Союза И.Д. Папанин.

20 февраля 1949 г. Д.А. Сабинин был зачислен старшим научным сотрудником в Институт океанологии АН СССР, где исполнял обязанности директора Черноморской станции этого Института в Голубой бухте близ Геленджика. По свидетельству его лаборантки, бывшей студентки кафедры Г.М. Чихачевой, в первый год в Геленджике Д.А. много и интенсивно работал, изучая физиологию морских водорослей, часто выходил в море, которое очень любил. Одновременно он систематически занимался и административными делами. На станции царил бодрый дух. Обаяние Д.А., умение подойти к людям, демократический и деловой стиль его работы позволили сплотить дружный и деятельный коллектив.

Тем не менее масштабы работы оказались значительно уже творческих возможностей Д.А. В его распоряжении не было ни сотрудников, ни достаточного количества средств, приборов и реактивов, чтобы развернуть серьезную работу.

Сабинин тосковал по молодой, шумной студенческой аудитории, к которой привык и которую любил. Об этом он говорил в доме своей старшей дочери, когда 30 ноября 1949 г. мы собрались на празднование его 60-летия. И вот что он сказал: «Я пью за то, чтобы мы всегда хорошо вспоминали время, когда мы были вместе. Когда я читал лекции студентам и видел, как в ответ на то, что я говорю, загораются интересом их глаза, я всегда чувствовал себя молодым. Эти поколения студентов вырастали, на

смену им приходили новые и так же на лекциях загорались их глаза, и я думал: "нас увлекает одно и то же, значит я так же молод, как они". А теперь этого нет, и я внезапно почувствовал себя старым». Когда Д.А. поступил на работу в Институт океанологии, ему обещали, что впоследствии его официально назначат директором станции. Однако зимой 1950—1951 г. директором был назначен другой человек, что, конечно, уменьшало и без того скромные возможности Д.А. организовать должным образом научную работу на станции. Судя по сохранившимся докладным запискам, до самых последних дней он делал неустанные попытки добиться ремонта морского водопровода, который необходим был для культивирования морских водорослей, использовал все свои знакомства, чтобы достать реактивы, но результат этих усилий был мизерным.... Становилось ясным, что жизнь Д.А. в Голубой бухте — это участь человека, вырванного из гуши жизни, оторванного от привычной ему кипучей деятельности и обреченного на прозябание.

К тому же жизнь в одиночестве, в отрыве от близких людей, также угнетала Д.А. Он решил попытаться устроиться на работу в Москве. Появилась возможность поступить в Почвенный институт АН СССР, но А.И. Опарин, бывший тогда академиком-секретарем отделения, поставил условием поступления Д.А. на работу публичное «покаяние».

Улучшения положения в биологии, на что вначале надеялся Д.А., в скором времени не предвиделось. По-видимому, в этот период у Д.А. начался тяжелый нервный срыв.

Все близкие ему люди, встречавшие Д.А. в ту зиму, поражались перемене, которая с ним произошла: обычно всегда легко смеявшийся, любивший шутить и радовавшийся удачным шуткам других, даже если они высмеивали его самого, он стал ко всему безучастным, молчаливым, а в глазах застыло выражение боли.

В то время я работала в Лаборатории физиологии Института леса АН СССР. Ее заведующий, чл.-корр. АН СССР Л.А. Иванов, которому исполнилось 80 лет, решил уйти на пенсию и попросил меня поговорить с Д.А., не согласится ли он заведовать этой лабораторией, так как лучшего преемника себе он не может желать. Прошло несколько дней, но я Д.А. не видела. Узнав об этом,

Л.А. Иванов сказал, что надобность в разговоре с Д.А. отпала, так как он говорил с акад. В.Н. Сукачевым — директором Института леса, и тот сказал, что взять Д.А. Сабина не сможет. Действительно, В.Н. Сукачев принял на работу многих уволенных «формальных генетиков». Но в состав партбюро Института входила группа лиц — противников Сукачева (наиболее активными среди них были К.Н. Тараканов и А.П. Щербаков), которые выступали против него на собраниях, писали доносы, вызывая бесконечные комиссии. В.Н. Сукачев опасался, что в такой обстановке острый язык Д.А., его неумение и нежелание лавировать еще обострят создавшееся положение.

В середине апреля 1951 года я случайно встретила Д.А. на заседании, и он попросил меня проводить его до остановки троллейбуса. Он сказал, что рад за меня, ибо я работаю у настоящего честного ученого и добавил: «Я понял, что я никак не могу изменить мою судьбу. Мне невыносимо думать, что я поеду в Геленджик и буду там один на пустынном берегу, под вой ветра. Все мои попытки устроиться безрезультатны. Все говорят, что я должен каяться, но этого я не могу. Я стал никому не нужен...». Я удивлялась необычному поведению Д.А., его настроению, так непохожему на свойственный ему обычно бодрый, оптимистический тон, но, к сожалению, мне не хватило жизненного опыта, чтобы понять то, что он не договаривал.

Чтобы хоть как-то утешить Д.А., я сказала, что Л.А. Иванов очень высоко ценит его и его одного хотел бы видеть своим преемником, но что обстановка в Институте такова, что к нам Д.А. идти нельзя. Потом я узнала, что он все же приходил к Сукачеву, но получил отказ.

В таком тяжелом состоянии Д.А. уехал в Геленджик, взяв с собой охотничье ружье. К сожалению, в то время там из научного персонала была одна Г.М. Чихачева, слишком молодая и неопытная, чтобы хоть как-то повлиять на настроение Д.А. Сотрудники старшего поколения — Шапова, Гаевская, которые могли бы затеять интересный для Д.А. разговор, втянуть его в научные споры, как это обычно бывало, отвлечь, тогда отсутствовали.

Рано утром 22 апреля 1951 года он застрелился.

Вспоминая об этом теперь, через много лет, я часто задаю себе вопрос: стоило ли Дмитрию Анатольевичу из-

за расхождений в определении понятия «развитие растений» или признания внутривидовой борьбы сражаться с «ветряными мельницами» и так рисковать собой. Ведь в сущности это — отдельные, частные вопросы науки. Но дело заключалось не в этих частных вопросах, по которым у разных ученых могла быть разная точка зрения. Д.А. последовательно отстаивал чистоту и честность науки, ее свободу от давления извне, строгость ее доказательств и выводов, отстаивал против невежества и особенно против беспринципного использования науки для целей, ничего общего с нею не имеющих.

В ряде современных статей, в которых упоминается имя Сабинина, о нем пишут, что он «не выдержал травли и застрелился». Вряд ли это правильно. Ведь «травля» состояла лишь в том, что его дважды уволяли с работы: один раз в 1937 году и второй — в 1948-м. Многим его коллегам пришлось перенести неизмеримо больше, но никто сам «в петлю не лез». На Сабинина никто не нападал, его не обливали грязью в прессе, у него не было нужды обороняться. Это он сам шел на отчаянную неравную борьбу за истину в науке, за ее независимость, не имея никаких шансов на успех. С середины 30-х годов и до августа 1948 г. он редкий день не выступал перед слушателями с уничтожающими разоблачениями антинаучной биологической отсебятины академика Лысенко и его последователей. Но, несмотря на ораторский талант и убедительность аргументации Сабинина, почти все слушатели, хотя и аплодировали ему, но упорно и безоглядно шли за Лысенко — у него была сила. И даже ближайший и лучший ученик Сабинина профессор П.А. Генкель сделался правоверным «лысенкистом». Похоже, что Сабинин не смог пережить гибель научной биологии в родной и дорогой ему стране. Очень мучила его и молчаливая поддержка почти всеми учеными разбоя в науке, происходившего на протяжении многих лет, и в особенности после августа 1948 г.

Справедливости ради следует отметить, что Сабинин не был одинок в своей борьбе с Лысенко. Можно назвать более десятка имен крупных ученых, которые не подлаживались под модное «мичуринское учение», не предавали своих научных взглядов. Но методы их борьбы заключались в ином — они лавировали. Один из примеров та-

кой борьбы — поведение, избранное акад. В.Н. Сукачевым. Пока Лысенко «царил», он не высказывал публично своего несогласия с его идеями. Но вместе с тем, Сукачев взял на работу многих уволенных «морганистов-вейсманистов», в том числе акад. Н.П. Дубинина. Лишь когда положение Лысенко пошатнулось, Сукачев стал выступать в печати против его рекомендаций. Таким образом он сохранил Институт леса, которым руководил, а также многих честных ученых.

Кто из них выбрал более правильный путь — Сабинин или Сукачев, и что принесло больше пользы науке? Я не берусь судить, думаю только, что способы борьбы со злом человек избирает согласно особенностям своего характера. Такой человек, как Сабинин — открытый и эмоциональный — не мог действовать иначе...

Дмитрий Анатольевич Сабинин похоронен в Геленджике. На его памятнике его же почерком выгравирована латинская надпись «*Post tenebras spero lucem*». Это было одно из любимых изречений Д.А: «После темноты надеюсь на свет!»

ЛИТЕРАТУРА

1. Д.А. Сабинин в воспоминаниях современников. Очерки, воспоминания, материалы. М.: Наука, 1992.
2. Из личного архива Ю.Л. Цельникер.
3. *Красовский Л.И.* Встречи с Д.А. Сабининым // Д.А. Сабинин в воспоминаниях современников. М.: Наука, 1992. С. 113—128.
4. *Генкель П.А.* Дмитрий Анатольевич Сабинин. М.: Наука, 1980.
5. Письмо Д.А. Сабинина А.А. Жданову // Известия ЦК КПСС. 1991. № 6. С. 154—156.
6. *Сабинин Д.А., Шмальгаузен И.И., Формозов А.Н.* Наши возражения академику Лысенко // Литературная газета. 29 ноября 1947 г.
7. Внутривидовая борьба у животных и растений. М.: Изд-во МГУ, 1947. 47 с.
8. *Сабинин Д.А.* Физиологические основы питания растений. М.: Изд. АН СССР, 1955.
9. *Сабинин Д.А.* Физиология развития растений. М.: Изд. АН СССР, 1963.